

непоследовательности и всю массу противорѣчій, поглощаемыхъ его учениками; но и по приведеннымъ примѣрамъ можно судить о широтѣ умственной ихъ воспріимчивости. Читатель можетъ и теперь составить себѣ понятіе объ умственномъ настроеніи тѣхъ, кои признаютъ все ученіе церкви беззаконнымъ и нечестивымъ обманомъ, и въ то же время негодуютъ на жестокость Св. Синода, когда онъ устраняетъ Толстого отъ всякаго участія въ этомъ нечестивомъ ученіи.

Толстого можно назвать колеблющимся пророкомъ: онъ не останавливается ни на положительномъ утвержденіи, ни на рѣшительномъ отрицаніи, но говоритъ: «это вѣрно... по крайней мѣрѣ это можетъ быть вѣрно... но нѣтъ, въ сущности я увѣренъ, что это невѣрно». — А ученики, воспринимая такія слова, твердятъ отъ себя такое вѣрованіе: «Мы увѣрены, что это вѣрно, что это можетъ быть вѣрно и что въ сущности все таки невѣрно».

И такъ мы, не будучи Толстовцами, можемъ пожалуй спросить: въ самомъ дѣлѣ этотъ добродушный хозяинъ Ясной Поляны, онъ-то самъ въ правду-ли Толстовецъ?

